
Литературный музей

Песнь торжествующей любви

О музее Ивана Сергеевича Тургенева

Беседу вела Александра Гордон

DOI: 10.31425/0042-8795-2018-4-336-362

Александра Вениаминовна Гордон

филолог, журналист, критик

(125183, Россия, г. Москва, ул. Лихоборские Бугры, д. 12, 53;

email: aleksandra.gordon@yandex.ru)

Вера Владимировна Калмыкова

кандидат филологических наук

филолог, критик, поэт, главный редактор издательства «Русский импульс»

(140103, Россия, Московская область, г. Раменское, ул. Гурьева, д. 4а, 70; email: rus-impulse@mail.ru)

Аннотация. В интервью с заведующей музеем И. С. Тургенева на Остоженке Е. Полянской и ныне покойной Е. Грибковой, старшим научным сотрудником музея, рассказывается о трудностях на пути создания музея. Уделено внимание новой экспозиции, дающей представление как о тургеневской эпохе и обитателях дома на Остоженке, так и о произведениях писателя.

Ключевые слова: И. Тургенев, В. Тургенева, П. Виардо, Л. Виардо, дом Тургеневых на Остоженке, коллекции музея, библиотека Тургеневых, экспозиция мемориального музея.

Текст интервью поступил 12.12.2017.

Любое соприкосновение с тургеневской темой вызывает невольный душевный трепет. Удивительная биография писателя, «посла от русской интеллигенции» за границей, его умение показать внутреннюю суть того или иного явления русской жизни и потаенную взаимосвязь природы и человека, граничащее с самозабвением благородство лучших его поэтических образов не оставляют равнодушными сердца читателей по сей день. Но статья проводниками в «неведомый край» поэтики писателя во всей полноте подвластно лишь истинным знатокам его творчества.

Сравнительно новый московский музейный адрес — Остоженка, 37, Дом-музей И. С. Тургенева, филиал Государственного музея А. С. Пушкина. О том, как он создается, рассказали его сотрудники, Елена Валерьевна Полянская и Елена Михайловна Грибкова, ныне, к сожалению, покойная.

Елена Валерьевна Полянская заведует Домом-музеем И. С. Тургенева на Остоженке со дня его основания. Является автором ряда исследований и публикаций по истории остоженского дома, московской биографии Тургенева, коллекции музея, а также автором музейных экскурсионно-туристических маршрутов по тургеневским местам Москвы и России. В настоящее время занимается музеефикацией остоженского дома и подготовкой новой экспозиции Дома-музея И. С. Тургенева, который откроется после реставрации осенью 2018 года.

Елена Михайловна Грибкова

Слово памяти

Есть люди, будто бы специально предназначенные для одного занятия, одной профессии. Они могут работать в разных сферах, добросовестно и даже талантливо, но созданы словно для чего-то другого. Такой была Елена Михайловна Грибкова. Она многое умела, была прекрасным преподавателем и редактором, в частности, исторического журнала «Ларец Клио» (под фамилией Огнянова). Вела

научные исследования, опубликовала и откомментировала, например, в 1993 году повесть Евдокии Ростопчиной «Палаццо Форли», в предисловии к которой показала, что живописные и музыкальные мотивы сближают это произведение с отрывком из незавершенного романа Гоголя «Аннунциата» («Рим»). Ее перу принадлежит увлекательнейший комментарий для школьников к комедии Грибоедова «Горе от ума». Елена Михайловна также занималась историей литературно-музыкальных салонов и русско-итальянских культурных связей XIX века. Ей было важно сказать каждому, кто мог соприкоснуться с ее работой, как прекрасно то, чем она занимается. Журнал «Ларец Клио» представлялся ей волшебной шкатулкой для школьника, интересующегося историей: он открывает обложку, а там драгоценные сведения об истории всевозможных открытий, россыпь редких фактов, характеризующих нравы далеких эпох...

Всю жизнь Елена Михайловна Грибкова была погружена в творчество Ивана Сергеевича Тургенева. Ее всегда интересовала и его непростая судьба, достойная отдельного романа, и взаимоотношения с ближайшим окружением. Факты биографии писателя для нее значили не меньше, чем события собственной жизни.

Открытие музея Тургенева в Москве на Остоженке многие старые музейщики воспринимают как чудо. Возможно, так и было. То же, что Елена Михайловна сразу оказалась среди сотрудников, — закономерно. Последние семь лет жизни там она и работала. Так сложилось, что в то время она переживала одну личную трагедию за другой, но все же это были годы творчества. Собираание музейной коллекции и подготовка тургеневской выставки... Научная атрибуция миниатюрного портрета Варвары Петровны Тургеневой... Одной из последних значительных работ Елены Михайловны стало исследование мемуаров Варвары Житовой, возможно, единокровной сестры Тургенева. В своем послесловии к изданию «Воспоминаний о семье Тургенева» В. Житовой (М.: Гелиос АРВ, 2016) Елена Михайловна выдвинула совершенно новую, но вполне убедительную версию происхождения мемуаристки, проливающую иной свет на характер взаимоотношений родителей писателя.

Елена Михайловна, как никто другой, могла ощущать особенности стиля тургеневской эпохи. Она знала, как рассказать о прошлом, чтобы посетитель «с улицы» проникся ощущением связи времен; способна была придумать, как увлечь людей, далеких и от Тургенева, и от музея.

И душа ее осталась, конечно, под сводами особняка на Остоженке. Усилия Елены Грибковой и теперешних сотрудников музея во главе с Еленой Полянской позволяют надеяться, что тургеневский мир новой экспозиции дома на Остоженке будет ярким и разнообразным.

Рассказ о непростых обстоятельствах создания музея Тургенева и дальнейших планах его развития прозвучал на экскурсии Е. Полянской незадолго до закрытия музея на ремонт, в 2015 году, и был в высшей степени интересен. О новой экспозиции хотелось узнать как можно больше... Александра Гордон договорилась с музеем об интервью с Е. Полянской. Неожиданно Елена Валерьевна пришла не одна, а с Еленой Михайловной Грибковой. Так родилось двойное интервью. И хотя после смерти Елены Михайловны разговор с Еленой Валерьевной продолжался, все же основная беседа состоялась именно тогда.

— Странно, что в Москве столь длительное время не было музея Тургенева, хотя есть дом, связанный с его именем.

Елена Грибкова: И такая судьба была не только у дома Тургенева. И музея Гоголя в Москве первоначально не было, хотя про дом, где он жил, сжег второй том «Мертвых душ» и умер, все было известно.

— Но уже в 1981 году в «доме Гоголя» на Никитском бульваре располагалась библиотека и даже хранилось несколько экспонатов...

Е. Г.: Благодаря частной инициативе библиотекарей. А музей был создан только к 200-летию со дня рождения Гоголя, хотя уцелел не только сам дом, но и камин, в котором был сожжен второй том «Мертвых душ». С Тургеньевым от-

части повторилась та же история. Московская общественность давно поднимала вопрос о создании музея в доме на Остоженке. Мать писателя, Варвара Петровна, снимала его в течение десяти лет. В этом сером здании с белыми колоннами разворачивались события, ставшие основой сюжета знаменитого тургеневского рассказа «Муму». Его Тургенев писал, оказавшись под арестом в Петербурге за публикацию статьи о Гоголе (в то время он содержался на съезжей в арестантском отделении). Но даже мемориальная доска появилась на фасаде лишь в 1968 году.

Еще в 1992 году дом предлагалось передать Государственному литературному музею (ныне Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля. — А. Г., В. К.). Министерство культуры отказалось от этого, возможно, из-за отсутствия денег. Кроме того, дом был арендован, а договор аренды заключен на длительный срок. Арендатором была организация, производившая спортивные изделия. Она находилась в этом здании с 1976 до 2009 года. А раньше чего там только не было! В том числе даже коммуналки.

Наконец в 2001 году состоялось заседание комиссии по социальной политике Московской городской думы. Тогдашнему мэру Юрию Лужкову было направлено предложение о создании в Москве музея Тургенева. В 2007 году Библиотека-читальня имени И. С. Тургенева устроила выставку «Тургенев в Москве». На открытии присутствовал Лужков. Директор библиотеки Татьяна Коробкина, показывая фотографию дома Тургенева, убеждала мэра в исторической важности этого вопроса. В том же году появилось распоряжение Правительства Москвы о передаче здания Государственному музею А. С. Пушкина, филиалом которого стал музей Тургенева. Но состоялась передача только в 2009 году, когда истек срок аренды «Спортинтерпрома». Те два года, которыми мы располагали, позволили сформировать первоначальную коллекцию — в музее Пушкина почти не было предметов, имеющих отношение к биографии Тургенева.

— Должна была когда-нибудь восторжествовать справедливость! Даже в конце жизни Тургенев мечтал

быть признанным за хорошего ученика Пушкина, и то, что Тургеневский музей стал филиалом Пушкинского, совершенно закономерно. Неужели вам хватило двух лет, чтобы собрать около 700 экспонатов?

Елена Полянская: Из этого количества экспонатов мы смогли сделать выставку. Когда получили дом в 2009 году, то обнаружили, что интерьеры сильно перестроены. Там располагались офисы, и потому внутри оказалось множество перегородок, низкие потолки. Все залы были разделены на кабинеты, даже появились дополнительные коридоры. Было очевидно, что дом требует реставрации. Но ведь это очень длительный процесс — разработка проекта, утверждения, согласования... И мы решили открыть музей, создав временную экспозицию на основе уже собранных к тому времени материалов. При этом вскрыли временные перегородки в парадной анфиладе, оказавшейся наиболее уцелевшей. В ней (на основе разных материалов, как наших, так и временно предоставленных коллегами: Государственным литературным музеем, Музеем-заповедником «Спасское-Лутовиново», Музеем И. С. Тургенева в Орле, Пушкинским Домом, московскими архивами, библиотеками) была открыта выставка «Москва, Остоженка, Тургенев». Она просуществовала шесть лет, оказалась очень удачной и выглядела как полноценная экспозиция.

— Безусловно, и настолько, что никто из посетителей не мог догадаться ни о том, что это всего лишь выставка, ни о ваших дальнейших замыслах... И все же музей Тургенева до закрытия не производил впечатления столичного дома именитого классика.

Е. П.: Сам мемориальный дом достаточно зауряден для Москвы. Он построен в «послепожарную эпоху» — имеется в виду пожар 1812 года. Мы даже не знаем, кто являлся архитектором: здание выстроено, скорее всего, по типовому проекту. Этим оно отличается, например, от особняка на Пречистенке, в котором разместился музей А. С. Пушкина. Богатый житель Москвы А. Хрущев мог позволить себе

пригласить архитектора Афанасия Григорьева, работавшего в паре с Доменико Жилярди. А остоженский дом построен в 1819 году по заказу некоего сенатского секретаря Д. Федорова, человека явно не настолько состоятельного, чтобы заказать для себя роскошный особняк. Позже Федоров продал дом чиновнику десятого класса горного ведомства Н. Лошаковскому, который, как и прежний хозяин, сдавал его внаем. Вот у него-то и снимала дом Варвара Петровна. Кстати сказать, в те годы (1840-е) Тургенев еще не был именитым классиком, его путь в литературе только начинался.

— *То есть вы смогли сделать обзор жизни Тургенева буквально из ничего?*

Е. П.: Не совсем. Мы, например, располагали достаточно богатым фондом редкой книги. Неудивительно, что нам удалось составить у посетителей представление о читательских интересах Тургенева. Ведь в наших книжных фондах немало изданий, аналогичных тем, что находятся в сохранившейся мемориальной библиотеке Ивана Сергеевича, собранной в Спасском-Лутовинове двоюродными дедами Тургенева, Иваном Ивановичем и Алексеем Ивановичем Лутовиновыми. Она пополнялась стараниями Варвары Петровны и Сергея Николаевича, а позже и самого Ивана Сергеевича. В настоящее время эта библиотека хранится в музее Тургенева в Орле. Родители Тургенева по возрасту были близки к Пушкину, и потому в музее великого поэта также хранятся книги, составлявшие круг чтения как семьи Тургеневых, так и других их современников.

— *И юного Тургенева тоже?*

Е. П.: Конечно. Так, в фондах музея хранится издание 1811 года «Эмблемы и символы». Это была первая книга Тургенева-ребенка, которую тот держал в руках. С дворовым человеком Леоном Серебряковым они проникли в библиотечный шкаф и вытащили две большие книги. Будущему писателю достались «Эмблемы и символы», а его тогдашнему «подельнику» Леону Серебрякову — «Россия-

да» Хераскова. Кстати, потом они сидели в саду и Серебряков читал «Россияду» маленькому Ивану. Этот сюжет рассказан Тургеневым в одном из писем к друзьям, Михаилу Бакунину и Александру Ефремову. Там он подробно описывал, как долго рассматривал все символы, которые даже стали сниться ему по ночам. И в роман «Дворянское гнездо» Тургенев ввел этот эпизод: книгу давали маленькому Феде Лаврецкому. Данный случай из детства писателя также нашел отражение в его рассказе «Пунин и Бабурин».

На юного Тургенева большое впечатление произвел роман Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Содержание этого произведения он слышал от своего преподавателя в пансионе Вейденгаммера.

— Тогда «Юрий Милославский» ему казался «чудом совершенства»!

Е. П.: Загоскин был приятелем отца Тургенева и часто бывал в их доме. Сам писатель был слегка чудаковат, его герои — отважны. И об этом несовпадении Тургенев также упоминал в письмах. Книга находилась в прежней экспозиции и будет помещена в новую.

Некоторое время Тургенев интересовался сочинениями Марлинского и Бенедиктова, но это увлечение прошло быстро. К Пушкину любовь оставалась неизменной. В годы учебы, особенно в Берлинском университете, круг чтения дополнили Гегель и Гёте. Они были кумирами русской молодежи.

— Да, судя по произведениям и переписке, эти имена всегда ассоциировались у Тургенева прежде всего с чудесными студенческими годами, со временем становления мировоззрения. Ведь благодаря дружбе со Станкевичем и Бакуниным «заклятым гётеанцем» и гегельянцем он стал именно в конце 1830-х годов в Берлине.

Е. П.: Да, в маленькой берлинской колонии русских студентов царил культ Гегеля — титана «чистой мысли» — и Гёте — чистого «поэта природы». Всемирно известный мыслитель Гегель в 1820-е годы являлся деканом фило-

софского факультета Берлинского университета. В нашем музее хранится свидетельство о приеме в число студентов Ф. Струве с автографом знаменитого философа. А Тургенев слушал лекции его ученика, профессора Карла Вердера, при одном имени которого воодушевлялись студенты.

— Наверное, в новой экспозиции будет отдельное помещение для библиотеки?

Е. П.: Мы предполагаем воссоздать комнаты Тургенева, где будут стоять библиотечные шкафы с книгами, составлявшими круг его чтения. Постараемся отразить становление писателя. Чаще всего Ивана Сергеевича изображают убеленным сединами старцем, а дом на Остоженке помнит его молодым.

— Легко переходящим из одной крайности в другую, увлекавшимся вымыслами... Неужели до нас дошли фолианты, ставшие невольными свидетелями его размышлений?

Е. П.: Надо сказать, что большинство книг, которые Тургенев совершенно точно держал в руках — на них есть пометы, сделанные его рукой, — хранятся в орловском музее. Но книги с его автографами есть и у нас, и мы обязательно поместим их в экспозицию. Например, мы располагаем экземплярами романа «Новь» на русском и французском языках с дарственными надписями Тургенева. Один был подарен автором норвежско-американскому писателю Хьялмару Бойесену, другой, с русским текстом, — французскому переводчику Виктору Дерели. Музейный экземпляр мы получили в дар от Натальи Борисовны Волковой, вдовы известного ученого и коллекционера Ильи Самойловича Зильберштейна.

— Именно родители позаботились, чтобы сын смог «в просвещении быть с веком наравне»?

Е. Г.: Родители воспитали у Ивана Сергеевича уважительное отношение к книге. Варвара Петровна была на 12 лет старше Пушкина, знанием русской литературы не

отличалась, да и относилась к ней прохладно. В одном из произведений Тургенева даже звучит фраза, что русских книг в порядочных семействах не читают. Пушкин составлял исключение — к нему Варвара Петровна относилась с пиететом и «Онегина» цитировала постоянно. Знала она его почти наизусть.

— *Характерно, что в дальнейшем и сам Тургенев превратился в «беспредельного фанатика Пушкина»!*

Е. Г.: С уважением относилась Варвара Петровна и к Жуковскому, ведь он, как учитель великого князя Александра Николаевича, был близок ко двору. Кроме того, Жуковский и Варвара Петровна знали друг друга лично (их имения находились по соседству), поэт участвовал в театральных представлениях в Спасском-Лутовинове.

— *Да и в письмах Варвары Петровны к сыну не раз встречается имя Жуковского с цитатами из его произведений...*

Е. Г.: Исключение для матушки Тургенева также составлял Иван Иванович Дмитриев. Вообще баснописцев она часто цитировала: морализаторство ей было в высшей степени свойственно. Особенно часто цитаты из басен звучали в общении с сыновьями. Варвара Петровна любила второстепенных французских поэтов и писателей — говоря современным языком, массовую литературу: Жюль Жанена, например, или немецкого драматурга и поэта Августа фон Коцебу. Интерес к последнему был связан с тем, что он написал книгу о воспитании.

Сергей Николаевич был человеком более образованным, чем Варвара Петровна. Он много лет служил в Петербурге, в лейб-гвардии Кавалергардском полку, который состоял из образованных дворян, и, несомненно, оказал значительное влияние на интеллектуальную атмосферу семьи. Собственно говоря, именно он и возбудил глубокий интерес к литературе у Варвары Петровны, которая до замужества пребывала в кругу провинциального дворянства. Систематического образования она не получила. Возмож-

ности учиться в пансионе на регулярной основе у нее не было: пока деньги имелись, учеба шла, а когда заканчивались, прерывалась. Поэтому представления о современном искусстве и литературе у нее были весьма слабые. Только после замужества началось серьезное приобщение к культуре, в том числе европейской. Супруги даже предприняли путешествие в Европу с малолетними сыновьями.

Правда, книги по-французски (в основном те, что были в библиотеке в Спасском) Варвара Петровна читала еще до замужества, благодаря чему владела языком практически в совершенстве, разговаривала на нем. Даже «Историю Государства Российского» Карамзина читала на французском. Такое издание есть и в нашей коллекции. Однако басни цитировала по-русски.

— Считается, что Тургенев (подобно Пушкину) был большим мастером в изображении читательских пристрастий героев. А можно ли получить представление о том, что читал сам писатель?

Е. Г.: Это сделать практически невозможно: у него было абсолютно все, от Гомера и Овидия до Пушкина, Гончарова и зарубежных современников, включая Флобера, Золя и многих других. В круг его чтения входили исторические и философские труды древних и современных авторов. Со многими он был знаком лично и состоял в переписке. Помимо Гегеля, Тургенев изучал Фейербаха, Шеллинга, Канта, Шопенгауэра. Когда он в 1840-е годы жил на Остоженке, у него с собой всегда был томик Монтеня.

— Именно необыкновенная образованность Тургенева так покоряла французов?

Е. П.: И не только французов. Всех. Толстой говорил, что неприлично писателю быть таким образованным. Вдобавок Тургенев обладал прекрасной памятью. Многие труды, исторические и литературные, он цитировал наизусть. Изучал как всемирную историю, так и европейскую. Размышляя об историческом развитии стран Западной Европы, он думал о будущем России.

— *Тургенев в совершенстве владел европейскими языками?*

Е. Г.: Да, он знал несколько европейских языков. Мопассан сказал про него: великий романист, прочитавший в своей жизни все, что только может прочитать человек, и говоривший на всех языках Европы, как на своем собственном. Основные европейские языки — французский, немецкий и английский — он знал уже в детстве. В его библиотеке имелись словари и пособия. Ряд изданий есть и в наших фондах. «Курс английского языка по новой методике» мы обязательно покажем. В дальнейшем он учил испанский и славянские языки. Переводил то, что его действительно интересовало либо что считал нужным. Он также помогал Луи Виардо переводить Гоголя и Пушкина.

— *Кто, собственно говоря, действительно был переводчиком?*

Е. Г.: Конечно, Тургенев. Луи Виардо русский язык знал плохо. Его помощь состояла в отделке французского текста, то есть он выступал как редактор. Тургенев владел французским в совершенстве, и некоторые французы даже считали, что он знает язык лучше них. Правда, на нескольких переводах стоит только фамилия Виардо. Он был союзником и соратником Тургенева, можно даже сказать, другом. Без семьи Виардо такое вращение Тургенева во французскую литературу оказалось бы затруднительным.

— *Даже по существовавшей до ремонта первой тургеневской экспозиции было видно, что если книга издана в России, то в следующем году она уже появится во Франции.*

Е. Г.: Совершенно верно. Переводчики занимались только тем, что пользовалось спросом на родине. Никто не стал бы тратить время и силы на перевод непопулярных произведений. В популярности Тургенева сомнений никогда не возникало. Он был известен всему европейскому ли-

тературному сообществу, и когда издавалось какое-либо новое произведение, за него даже начинали «драться». Предложения о переводе сыпались одно за другим.

— *Переводил ли он свои произведения сам?*

Е. Г.: Переводил, но мало. Чаще всего правил уже сделанные переводы. Во Франции хороших переводчиков было немного. Они не знали русских реалий и, например, в «Записках охотника» путали овсяную кашу с птичкой-овсянкой.

Е. П.: Но Тургенев был настолько знаменит, что мог сам себе выбирать переводчиков. В немецкой среде он выбрал Боденштедта, во Франции — Проспера Мериме и Луи Виардо, в Англии — Рольстона.

— *То есть переводили в основном они?*

Е. Г.: Да. Мериме, например, перевел ряд тургеневских рассказов, был редактором французского перевода «Дыма», сделанного А. Голицыным. Луи Виардо — в меньшей степени, так как там, где стоит фамилия Виардо, подразумевается и сам Тургенев. Они работали в тандеме, но чаще всего в качестве переводчика упоминался Виардо.

— *Можно ли сказать, что повесть «Клара Милич», в которой главная героиня кончает жизнь самоубийством из-за неразделенной любви, написана под влиянием взаимоотношений с Полиной Виардо? Тургенев считал, что трагизм любви заключен в фатальном неравенстве раба и властелина. Что значили для него отношения с великой певицей?*

Е. Г.: Для него они значили все. Полина Виардо переживала, когда Тургенев долго не писал ей. Хотя она была темпераментной женщиной и романов у нее было много, не только с Тургеневым.

Е. П.: В наших фондах хранится дружеский альбом, который принадлежал некой Анни де Мориц из Лозанны. В нем среди множества записей есть и автографы самой

Полины, ее дочерей и внучек. А открывается альбом списком тургеневского стихотворения в прозе «Стой!», посвященного Виардо.

— *Посвященного именно ей?*

Е. П.: Да! Полине Виардо посвящены также «Записки охотника». Ни на одном из изданий посвячительных инициалов нет, но на первом были напечатаны указывающие на это обстоятельство характерные три звездочки. Некоторые стихотворения в прозе также обращены к ней — земной женщине, которую силы искусства превращают в высшее существо. То, что Полина Виардо являлась воплощением искусства, Тургенев ощущал как самое главное. Артистическая атмосфера семьи Виардо соответствовала состоянию его души. Он сам, как и Виардо, был артистом в широком смысле слова и необыкновенно образованным человеком. Вокруг супругов Виардо и Тургенева всегда собиралась интеллектуальная и культурная элита. Отчасти Виардо содействовали и успеху Тургенева на Западе. Уже впоследствии репутация выдающегося писателя работала на него.

— *Все знакомства Тургенева во Франции состоялись благодаря Виардо?*

Е. П.: Первоначально, в 1840-е годы, это было действительно так. Но со временем он начал осваиваться во французском обществе сам.

— *То есть с Флобером и Мериме (который впоследствии стал его единомышленником и сподвижником) Тургенев познакомился самостоятельно?*

Е. П.: Да. С Мериме и Флобером Тургенев был особенно дружен. Встреча с Проспером Мериме состоялась уже в конце 1850-х годов, ведь тот поддерживал постоянные отношения с русскими в Париже. Это, собственно говоря, было одним из первых литературных знакомств Тургенева во Франции. Но с произведениями Мериме он был знаком давно и в начале своей литературной деятель-

ности даже находился под влиянием французского писателя. С Флобером Тургенев встретился в 1863 году. Они стали близкими друзьями, которых многое объединяло, в первую очередь, конечно, творчество.

— *Жорж Санд тоже входила в круг его знакомств?*

Е. П.: Жорж Санд была кумиром русской молодежи еще в 1840-х годах. С ней Тургенев познакомился лично благодаря семье Виардо. Она, кстати, ранее содействовала браку Луи и Полины.

— *Луи Виардо был антрепренером, видным театральным деятелем, блестящим переводчиком, одним словом, успешным человеком. Но, как ни удивительно, чаще всего о нем говорили, будто это не человек, а книга...*

Е. Г.: Имелась в виду его энциклопедическая образованность. Первоначально именно он формировал круг избранных возле Полины и никогда не опускался до ревности. Во Франции, в отличие от России, ревновать не принято и романы воспринимались всегда спокойно. Так как Полина была актрисой, она имела множество поклонников, чему Луи большого значения не придавал. Кроме того, он был старше Полины на 20 лет, а в Тургеневе нашел прекрасного собеседника. Общих тем было немало: охота, литература, музыка, политика, Испания. Лучшим переводом «Дон Кихота» на французский язык до сих пор считается тот, что сделал Виардо. И его республиканские убеждения Тургеневу были близки. Спокойным было и отношение к религии. Супруги Виардо считали себя атеистами. Они даже не венчались. Тургенев атеистом не был, но и чрезмерная религиозность ему не присуща, отношение к религии у него сложное.

— *Сложным было отношение Тургенева не только к религии, но и к ряду других вопросов. Например, к крепостному праву. Своих крестьян он ведь, кажется, так и не освободил?*

Е. Г.: После смерти матери он значительно облегчил участь своих крестьян: многих отпустил на волю, а по же-

ланию переводил на оброк. После крестьянской реформы и вовсе начал раздавать земли. Он был убежденным противником крепостного права. И все делал себе в ущерб. Вряд ли Ивана Сергеевича можно назвать практичным человеком, в отличие как от Полины Виардо, так и от родного брата. Варвара Петровна даже писала Николаю Сергеевичу: «Ты будешь хозяином, а Иван пусть чины зарабатывает, камергерские нашивки и мундир».

— *В каком-то смысле «чины» он заработал, правда, в другой сфере и, конечно, позже... Попытайтесь ли вы воспроизвести обстановку его комнаты в остожженском доме?*

Е. Г.: Мы начнем с того, что воссоздадим обстановку комнаты молодого дворянина 1840-х годов. У Тургенева наверняка были диван, стол с креслом, шкафы с книгами. Есть в наших фондах и умывальник того времени. Здесь же разместятся портреты московских друзей Тургенева, представителей научных, театральных и литературных кругов. Из книг будут помещены философские, научные и художественные издания, которые Тургенев читал в те годы. В частности, он интересовался научно-техническим прогрессом. Известно, например, что писатель изучал сочинения Иоганна Каспара Лафатера, пытавшегося определить характер человека по строению черепа. Влияние этих трудов заметно в ряде произведений Тургенева. А позже в семье Виардо было принято писать портреты и давать характеристики тем, кто на них изображен.

Е. П.: И, таким образом, мы попытаемся воспроизвести как мир молодого Тургенева, «человека сороковых годов», так и русского общества в целом. Московскому музею важно отразить факты личной и творческой биографии, связанные с нашим городом. У Тургенева есть чисто «московские» повести, а из шести его романов Москва упоминается в пяти.

— *Судя по всему, Тургенев «любил и ненавидел» Москву, которая была для него олицетворением России. В Белокаменной писателя привлекало и «романтическое Замоскворечье», и, как утверждает тургенивед Ирина Беляева, многоречивые споры одержимых «внутренним горением» оппонентов...*

А в его комнате будет представлен костюм молодого человека того времени?

Е. П.: Костюмы, конечно, будут — как исторические, тургеневского времени, из наших фондов, так, возможно, и из фильма «Две женщины». Их нам подарила режиссер этой прекрасной кинокартины Вера Глаголева, к сожалению, недавно ушедшая из жизни. Это костюмы барышни и барыни, а также Ракитина, которого в фильме играл известнейший английский актер Рэйф Файнс.

— Известно, что впоследствии Файнс говорил, что роль Ракитина дала ему возможность посмотреть на многие вещи с точки зрения Тургенева.

Е. П.: Это не удивительно. Ведь Тургенев сам говорил: «Ракитин — это я».

У нас будет специальная комната — гардеробная. Такая была у Варвары Петровны, и не одна. Мы не знаем наверняка, как выглядела гардеробная в остоженском доме, но в нашу задачу и не входит ее точное воспроизведение. Гардеробная будет условной, потому что здесь мы планируем экспонировать не только женские, но и мужские костюмы.

— Как вы думаете, удастся ли воссоздать в будущей экспозиции подлинную обстановку тургеневского дома?

Е. П.: Мемориальной экспозиции в классическом понимании не может быть. Музей молодой, а все основные предметы, связанные с памятью о Тургеневе, уже распределены по другим музеям и архивам. Основными местами их сосредоточения являются Спасское-Лутовиново и Орел.

Тургенев в Париже тесно общался с художником-маринистом Алексеем Петровичем Боголюбовым, вместе они основали Общество взаимного вспоможения русских художников. Боголюбов оставил воспоминания о писателе, а после смерти Тургенева оказался единственным из русских, кто поддерживал отношения с Полиной Виардо и по-

сещал ее дом. Виардо в знак благодарности подарила ему личные вещи Тургенева. Боголюбов поместил их в созданный им Радищевский музей в Саратове (художник был внуком Радищева). Там существовал «Тургеневский уголок» со столом и креслом писателя, его шапочкой и мантией доктора права Оксфордского университета и другими мемориальными предметами. Оттуда они перешли в музей Тургенева в Орле, где находится и мемориальная библиотека Тургеневых. В Спасском-Лутовинове сохранилась обстановка тургеневского дома, сгоревшего и выстроенного заново. Но поскольку на момент пожара мебель и предметы обстановки находились в Орле, они уцелели.

— Есть ли у вас возможность показать посетителям рукописные материалы?

Е. Г.: Часть рукописей писателя хранится в РГАЛИ и в других архивах, в частности парижских. Практически все он завещал Полине Виардо, и поэтому основной тургеневский архив до сих пор находится у ее потомков и в Национальной библиотеке Франции. На некоторые документы мы заказали копии. Но мы располагаем несколькими автографами Тургенева — это письма разным корреспондентам.

Е. П.: Вы видите, что мы испытываем определенные сложности при формировании коллекции. И все же продолжается активная собирательская работа, и среди последних поступлений есть уникальные предметы и мемории. Конечно, нас поддерживают и коллеги из других музеев. Так, имеющийся у нас ковер «Ширван Килим» поступил из орловского музея писателя. Согласно легенде, когда Варвара Петровна ожидала возвращения сына Ивана из Берлина в 1841 году, она заказала ковер и украсила им его комнату на антресолях. Орловские коллеги любезно предоставили нам этот ковер на временное, но длительное хранение.

И, конечно, у нас есть подлинный дом — это самая главная ценность, наш центральный «экспонат».

— Вы планируете воссоздавать первоначальный интерьер поставленного на сравнительно широкую ногу дворянского дома? Делать хоры, например?

Е. П.: Доподлинно известно, что в большом зале были хоры для оркестра. Они будут восстановлены. Будет возрожден и наборный паркет в парадных залах, восстановлены печи, часть которых, к счастью, сохранилась, их покроют изразцы.

— Что будет представлять собой экспозиция в парадной анфиладе?

Е. Г.: Типологические интерьеры. Употреблять термин «мемориальные» в нашем случае невозможно, так как неминуемо возникнут вопросы. Чтобы экспозиция была мемориальной, мало того, чтобы присутствовала оригинальная или аналогичная мебель. Она и стоять должна в тех же самых местах, где была в старину при прежних владельцах. Из книги воспоминаний Варвары Житовой, воспитанницы Варвары Петровны, известно, что ее стол для занятий стоял под хорами в большом зале, из писем дяди, Николая Николаевича, к Ивану Сергеевичу мы даже знаем, как выглядела кушетка Варвары Петровны.

— Представляете ли вы, какой будет литературная экспозиция?

Е. Г.: Сложный вопрос. С одной стороны, представляем, конечно, но с другой — чем больше размышляем над ней, тем больше вопросов у нас возникает. Сложность задачи состоит в том, что литературная и интерьерная экспозиция — не одно и то же. Идей, касающихся создания литературной экспозиции, может быть много, вопрос в том, как донести их до посетителя музейными средствами. Одними книгами и рукописями обойтись нельзя — будет скучно.

Возможно, представляя центральный роман Тургенева «Отцы и дети», будем отображать материальный мир героев — «отцов» и «детей». Для этого нужно использовать те предметы, которые характеризуют их. Так у читателей возникнут представления о живых людях того времени и о предметном мире романа. Например, для отображения мира Базарова мы предполагаем поставить в экспозицию микроскоп, книги по анатомии. Когда речь идет о Николае

Кирсанове, можно использовать «Мадонну» Рафаэля, виолончель... Эта задача является наиболее сложной, так как необходимый материал еще не накоплен. Нужно или дополнительно проводить комплектование, или привлекать художника. В любом случае художник в работе над экспозицией необходим. Повесть «Муму» будет представлена отдельным экспозиционным комплексом, так как действие ее происходит в том самом «сером доме с белыми колоннами». Кроме того, повесть включена в школьную программу. Обязательно будут представлены и «Записки охотника».

— *Будут ли интерактивные материалы?*

Е. Г.: Обязательно, но не в интерьерной экспозиции, а в литературной и рекреационной зонах.

— *Изобразительный материал будет копийным или есть оригиналы?*

Е. Г.: Иллюстративного материала XIX века совсем немного: он тоже разошелся в свое время по другим музеям. Но у нас имеются, например, прекрасные иллюстрации Николая Загорского и Петра Соколова к «Запискам охотника», Константина Рудакова к «Дворянскому гнезду». Есть в наших фондах и иллюстрации современного художника Бориса Диодорова. Будут использованы гравюры XIX века с изображением Нескучного сада, Страсбургской колокольни, упомянутой в переписке Ивана Сергеевича с Варварой Петровной, гравюры с изображением улицы Риволи в Париже, где жил Тургенев, живописная картина с видом Буживаля. На одной из работ изображен Новодевичий монастырь, где погребен старший брат с женой. Могилы не сохранились: некрополь был срыт.

— *А сам Тургенев живописью занимался?*

Е. Г.: Тургенев рисовал достаточно хорошо. Рисунками он часто сопровождал свои письма и черновики. Рисовать учился как в пансионе, так и частным образом. У него было великолепное чувство юмора, доходящее порой до сарказма. Нередко Тургенев сопровождал письма ри-

сунками, где изображал, например, себя во время болезни. Кстати, тогда многие писали друг на друга едкие эпиграммы. Это было присуще всему его поколению.

— *Мы говорили, что Тургенева занимала история. В каких публицистических статьях он затрагивал исторические темы?*

Е. Г.: В них, возможно, Тургенев этого не касался, концептуальных статей не написал, но в переписке с Герценом затрагивалась тема исторического пути России. Этот диалог длиною в жизнь начался в 1840-е годы в Москве и продолжился за границей. Герцен написал «Концы и начала», а Тургенев ответил ему «Дымом», где выразил свою точку зрения на будущее страны. Воззрения на русскую историю он высказывал именно в художественном творчестве. Давайте сравним: казалось бы, литературоведческая статья о Гамлете и Дон Кихоте, но ведь это исследование двух типов личности.

— *Кстати, о людях, окружавших Тургенева. Кто первым увидел в Зинаиде Засекиной из повести «Первая любовь» поэтессу княжну Екатерину Шаховскую?*

Е. П.: Николай Михайлович Чернов, биограф Тургенева и исследователь его творчества. Он заложил прочный фундамент в дело изучения московской темы творчества писателя и выявил немало тургеневских адресов в нашем городе — около пятидесяти. Именно Чернов описал московский период биографии писателя в книге «Тургенев в Москве», которая для нас является практически настольной. Он исследовал не только «Первую любовь», но и «Муму». Николай Михайлович изучал исповедные ведомости остоженской Успенской церкви, стоявшей рядом с домом Лошаковского, и обнаружил, что почти все действующие лица повести «Муму» имеют своих прототипов. Прихожанами остоженской церкви были дворовые люди Варвары Петровны Тургенева — пьяница Капитон, дворецкий Гаврила — и, конечно, она сама. А Варвара Николаевна Житова писала, что прототипом Герасима стал дворник Андрей.

Он был глухонемым, исповедоваться не мог, поэтому, вероятно, в церковных ведомостях его имени нет.

— *В нашем разговоре постоянно всплывает имя матери Тургенева. До чего же все-таки противоречивая личность Варвара Петровна! Уехала на лечение за границу, оставив в деревне младшего сына, больного эпилепсией, от которой тот и умер...*

Е. Г.: Младшим сыном она практически не занималась, оставляя его на попечении нянек. Ивана, напротив, любила до безумия, хотя и своеобразно. Сам Иван Сергеевич тяготился опекой матери, с годами все более отдаляясь от нее. Она постоянно старалась внушить сыну, что тот от нее зависим. Чего же хотела мать от сыновей? Чтобы они сделали карьеру и удачно женились (при этом жена должна быть по происхождению и по знатности ровней), вращались в свете и таким образом дали матери возможность гордиться ими. Но ни один из сыновей не оправдал ожиданий. Старший, Николай, женился на ее камеристке. Военная служба в Петербурге не сложилась, и ее пришлось оставить. Гражданскую службу он начал с низших чинов.

— *Она убедила Николая выйти в отставку?*

Е. Г.: Нет, Варвара Петровна, напротив, убеждала его не делать этого, тем более в низших чинах. В отставку он ушел поручиком. С другой стороны, она прекрасно понимала, что военная карьера у него не сложится. То же самое получилось и с гражданской службой. Но он нашел себя, став состоятельным хозяином усадьбы. Это, впрочем, произошло уже после смерти Варвары Петровны.

— *Она пыталась разделить между сыновьями имение еще при жизни?*

Е. Г.: Никакого раздела не было, завещания она не составляла, а дала сыновьям две дарственные на имения, которые не были нотариально заверены, то есть не имели юридической силы. Братья поняли, что мать просто изде-

вается над ними, фактически ничего не оставив. История с дарственными стала последней каплей, после чего произошел полный разрыв отношений с сыновьями.

— *И все же в новой экспозиции личность Варвары Петровны будет занимать достойное место?*

Е. П.: Да, конечно, мы хотели бы показать мир матери писателя, которая была хозяйкой в остоженском доме. В парадной анфиладе залов находились ее покои. В них и разместится интерьерная экспозиция, призванная охарактеризовать многогранную и противоречивую личность Варвары Петровны, отразить ее вкусы и предпочтения. Так, в доме было множество растений, порой редких, поскольку хозяйка была большой любительницей цветов. В одном из писем она отмечает: «На улице тридцатиградусный мороз, а у меня полон дом цветов и померанцевых деревьев». Некоторые семена присылал матери Иван Сергеевич из-за границы. Цветочные мотивы будут преобладать в убранстве парадной гостиной, которая наполнится живыми цветами.

— *Она умела ухаживать за ними?*

Е. Г.: Этим занимались садовники, но она тщательно изучала цветоводческое дело и читала книги по ботанике на латыни. Сыновья даже подарили ей на день ангела книгу Леже о цветоводстве. В наших фондах имеются издания подобного рода. Во дворе остоженского дома были луковичные грядки, за которыми Варвара Петровна просила приглядывать Ивана. Она также любила наблюдать за птицами, которых всегда было много и в Спасском, и в остоженском доме (а в Спасском имелись еще и пчелы). Считала, что эти интересы и занятия отвлекают порядочную даму от греховных мыслей.

— *А как она относилась к творчеству сына?*

Е. П.: Полагала литературные занятия недостойными дворянина, уравнивала понятия «писатель» и «писарь», считая, что и тот, и другой «за деньги бумагу мара-

ют». Тем не менее, когда в 1843 году вышла в свет первая поэма Тургенева «Параша», мать с гордостью писала: «...спасибо, что не ударил лицом в грязь».

— Могло ли быть иным отношение к творчеству сына матери, ставшей прототипом знаменитой барыни из рассказа «Муму»? И вам предстоит показать эту сторону ее личности посредством музейной экспозиции... Кстати, интерьеры дома Василия Львовича Пушкина тоже были восстановлены по описаниям?

Е. Г.: Да. Но, естественно, сотрудникам музея А. С. Пушкина было в чем-то проще это сделать: ведь то была эпоха пушкинского дяди. И новый музей получился даже лучше, чем был сам дом, — уютный, веселый и светлый, игривый. Василий Львович, вероятно, радуется на небесах.

— Часто в литературных музеях образно выделен лейт-мотив жизни и творчества того или иного писателя. Концепция пути в творчестве Тургенева чрезвычайно многогранна. Поэтому хотелось бы знать: тему скитаний, переездов Тургенева с места на место вы как-то акцентируете?

Е. П.: Тему дороги — обязательно. Вероятно, это будет именно в первом зале. Тургенев почти всю жизнь провел на колесах. Те места, где он бывал и жил, будут представлены в зале «Мир странствий» и показаны в основном с помощью изобразительных материалов.

— А Музей изобразительных искусств имени Пушкина и Третьяковская галерея не хотят оказать вам содействие при создании новой экспозиции?

Е. П.: Каждый музей бережет свои шедевры. Вот, например, в ГМИИ имени А. С. Пушкина хранится работа Руссо, входившая в коллекцию Тургенева. Теодор Руссо — один из художников барбизонской школы, которую любил Тургенев. Ближе к концу жизни он распродал коллекцию, чтобы помочь дочери. Работа Руссо — одна из последних, с которой писатель расстался. Кстати, он ее

продал Сергею Третьякову, который собирал западноевропейскую живопись. Наш музей тоже стал недавно обладателем уникальной вещи — мемориальной картины из парижской коллекции Тургенева, которую писателю подарил художник-любитель Д. Татищев.

— *Насколько я понимаю, у вас есть беспримерный план воссоздания целой усадьбы?*

Е. П.: Усадьба Лошаковского до нас дошла в несколько урезанном виде, поэтому воссоздать ее во всей полноте не представляется возможным, да это и не входит в нашу задачу. Вместе с тем территория музея такова, что позволяет говорить о создании исторического и архитектурного комплекса городской усадьбы, где жили Тургеневы. С южной стороны владения Лошаковского граничили с землей, принадлежавшей церкви Успения. Сейчас на этом месте разбит сквер, получивший имя Тургенева. Теперь это тоже часть музейной территории. В сквере планируется установка памятника писателю. Мы попытаемся воссоздать мир дворянской усадьбы XIX века, ведь Тургенева недаром называют певцом дворянских гнезд. А дворянское гнездо — это в первую очередь усадьба, то есть дом, а при нем обязательно сад или парк. О тургеневских усадьбах мы достаточно много знаем, в том числе из его произведений: как они были устроены, какие деревья и цветы там произрастали, что любила Варвара Петровна, а что сам Иван Сергеевич.

Наша заветная мечта — создание на территории музея парка, где росли бы деревья и кустарники из разных тургеневских уголков России и Европы, а также те, что встречаются в его произведениях. Из Буживаля мы хотели бы привезти ясень. Вилла Тургенева и Виардо в Буживале так и называлась — «Ясени». Из Баден-Бадена, где Тургенев и Виардо прожили восемь лет, привезли каштан с Лихнетальской аллеи, по которой любил гулять писатель. Но мы не стали его высаживать, понимая, что скоро начнется стройка и саженец может погибнуть. Так что все это в будущем. И, конечно, мы посадим липы и березы, которые росли в Спасском-Лутовинове при Тургеневе, растут они и сейчас. Молодой дубок оттуда у нас уже есть. Писатель в свое вре-

мя посадил в Спасском дуб. Он до сих пор жив, и из желудка этого дуба орловские юннаты вырастили дубок, привезли его на Остоженку, когда музея еще не было, а в доме находился «Спортинтерпром». Сейчас дереву уже 18 лет. До недавнего времени здесь рос вяз, которым можно было любоваться еще в тургеневские времена (ему было более 200 лет). К сожалению, его погубила голландская болезнь вязов — графийоз.

— *Есть ли подобные усадьбы за рубежом?*

Е. П.: Это не имеет большого значения. Именно Москва отличалась усадебным стилем жизни. Ее недаром называли большой деревней. В отличие от Петербурга, она состояла из усадеб, которые были похожи на загородные, только меньших размеров. При каждом доме обязательно был сад, или даже парк, или хотя бы палисадник. Откуда пошло, например, название Садовое кольцо? Когда срыли Земляной вал, появилась улица, по обеим сторонам которой начали строиться дома. Но улица выглядела слишком широкой и пустой, и жителям домов было предписано сделать вдоль нее небольшие садики — палисадники.

— *Такой парк будет прекрасным подарком к юбилею Тургенева. В ноябре 2018 года празднование открытия музея Тургенева станет событием международного значения, призванным объединить почитателей творчества писателя из России, Франции, Германии и других стран.*

*Вступительная статья и подготовка текста
Александры ГОРДОН и Веры КАЛМЫКОВОЙ*

The song of love triumphant

On I. S. Turgenev Museum

DOI: 10.31425/0042-8795-2018-4-336-362

Aleksandra V. Gordon

journalist, independent researcher

(12/53 Likhoborskie Bugry, Moscow, 125183, Russia;

email: aleksandra.gordon@yandex.ru)

Vera V. Kalmykova

Candidate of Philology

independent researcher

(4a/70 Gurieva St., Ramenskoe, Moscow region, 140103, Russia;

email: rus-impulse@mail.ru)

Abstract: In their joint interview, Elena V. Polyanskaya, the curator of Ivan Turgenev's museum in Moscow, and its senior research fellow Elena M. Gribkova tell the story of the museum's founding in 2007. Prefacing the interview is a brief *in memoriam* devoted to the recently passed E. Gribkova, who had worked at the Ostozhenka-based memorial house since its inception. Much emphasis is given to Turgenev's integration into European culture through his friendship with Louis and Pauline Viardot, and the perception of his works by Flaubert, Maupassant, and Mérimée. The interview touches on the social and political stance of Turgenev and mentions a number of facts of his personal and creative life that are related to Moscow. The interviewees also reveal the selection process behind the museum's exhibits and dwell on their main professional objective, i. e. to try and recreate, at least partially, the genuine period setting and decoration of the house. The new exhibition immerses the visitors into the world of Turgenev, an 1840-s man, and his mother: the world of the Russian landed gentry, of fathers and sons.

Keywords: I. Turgenev, V. Turgeneva, P. Viardot, L. Viardot, the Turgenev house on Ostozhenka, museum collections, Turgenevs' library, exhibits of a museum.

The article was received on 12 Dec. 2017.